

О МЕНТОСКОПИРОВАНИИ И ИНЫХ АБСОЛЮТНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2019 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 19.06.2019 г

Аннотация. Институт доказательств в уголовном процессе возник давно, развивался непоследовательно и долгое время какой-либо научной базой обеспечен не был — все доказательства были либо чисто бытовыми, либо обосновывались результатами ордалий. К настоящему времени данный институт законодательно урегулирован, детально классифицирован и в своей основе имеет солидные разноотраслевые научные исследования. Вместе с тем в основном включая заключение судебных экспертиз, испытание полиграфом (детектором лжи), использование медикоментозных средств (“сыворотки правды”) и т.п., это — доказательства относительные. Общество же остро нуждается в том, чтобы уголовное правосудие основывалось на доказательствах абсолютных. Уже существуют научные методологии и технологии таких доказательств: дактилоскопия (ей более 100 лет) и анализ ДНК (ему около 40 лет. Пока этот метод дорог, и проведение данного анализа занимает продолжительное время). По мнению автора, третьим в этом ряду станет метод ментоскопирования, основанный на том, что вся получаемая человеком через его органы чувств информация находится в его памяти, и извлечь ее (что человек ранее видел и слышал — с точностью до секунды) — задача науки недалекого будущего; четвертым же в этом ряду видом абсолютных доказательств станет, по мнению автора, метод “снятия” информации состояния эмпатии человека; пятым — получение информации через геномную сущность человека от его предков.

Ключевые слова: уголовный процесс, относительные доказательства, абсолютные доказательства, дактилоскопия, анализ ДНК, ментоскопирование, эмпатия, наследственная геномная информация.

Цитирование: Клеандров М.И. О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.

DOI: 10.31857/S013207690006726-0

ON METOCOPRAMIDE AND OTHER ABSOLUTE EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEDURE

© 2019 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 19.06.2019

Abstract. The institute of evidence in the criminal procedure arose long ago, developed inconsistently and was not provided with any scientific basis for a long time — all the evidence was either purely domestic or substantiated by the results of the ordeal. Nowadays this institution is legally regulated, classified in detail, and is based on solid, multi-branch scientific research. However, mainly, including relative proof — conclusion of forensic examinations, polygraph test (polygraph detector), usage of “truth serums”, etc. Society, on the other hand, desperately needs criminal justice to be based on absolute proof. There are already scientific methodologies and technologies for such evidence — this is dactyloscopy (it is more than one hundred years old) and DNA analysis (it is about twenty years old, nowadays this method is more expensive and it takes a long time to make it). According to the author, the third in this row will become a mentoscopy method based on the fact that all the information received by a

person through his senses is in his memory, and extracting it (what a person has previously seen and heard — accurate to second) is the task of the nearest future science, the fourth in the row of the type of absolute proof, according to the author, will be the method of “removing” the information of the state of human empathy; the fifth will be the reception of the information from person’s ancestors through his genomic nature...

Key words: criminal procedure, relative proof, absolute proof, dactyloscopy, DNA analysis, mentoscopy, empathy, hereditary genomic information.

For citation: Kleandrov, M.I. (2019). On metocopramide and other absolute evidence in criminal process // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 7–16.

Академическая наука, в отличие от поисковой, а тем более прикладной, призвана вести исследования глубинных фундаментальных проблем бытия, закономерностей развития природы, общества, человека и человеческого мышления. Соответственно, ее основой служит научная методология, необходимая для решения именно фундаментальных проблем, а ее особенностями, в том числе и прежде всего — в ходе решения каждой отдельной фундаментальной проблемы — по мнению автора, является то, что сфера исследований здесь должна охватывать, с одной стороны, пространственное поле — международное и зарубежное, а с другой — поле темпоральное: прошлое, настоящее и будущее (именно так: из прошлого через настоящее в будущее). На будущем, как известно, «специализируется» наука футурология, не всеми, кстати, воспринимаемая как наука. Но в любом случае прямое экстраполирование сегодняшней проблемной фактуры на будущее, тем паче более-менее отдаленное, — не самый действенный способ сегодняшнего обнаружения тех или иных проблем будущего, тем более их решения. Он в целом пригоден в сферах технологий, экологии и ряда иных, но и то... Если элементарно взять за основу современные тенденции в узкой сфере и спроецировать их на будущее, даже не преувеличивая их масштаб и руководствуясь одной арифметикой, то получим футурологический прогноз: в Лондоне, если бы не изобрели автомобиль, слой конского навоза ежедневно достигал бы двухметровой высоты.

В социальной же сфере, в общественных науках ситуация ещё более сложна. Здесь общество будущего видится как пространство риска и нелинейного конструирования ожиданий, пространств политической борьбы и конструирования властных отношений с их влиянием на сценарии более отдаленного будущего.

На всё на это накладываются возможные образования так называемого «эффекта черного лебедя» — появление абсолютно непредсказуемого фактора, который до этого невозможно было в принципе предвидеть, но который способен довольно сильно развернуть вектор развития всего человечества. И наоборот: отчетливо видимый вектор развития тех или иных весьма значимых для всего человечества технологий почему-то вдруг сворачивается, например

сверхзвуковые пассажирские самолеты «Ту-144» и «Конкорд», появление в небе которых в 1970-х годах было повсеместно расценено как магистральный путь развития гражданской авиации, внезапно «приземлились», а основным самолетом, сегодня используемым в гражданской авиации, служит «Боинг-747», впервые поднявшийся в небо в 1969 г.

Научными исследованиями именно в этом неизвестном направлении и призвана заниматься академическая наука, используя как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, открывая в ходе них все новые и новые горизонты, притом горизонты не только завтрашнего дня, но и послезавтрашнего, хотя выявить загоризонтную проблематику, тенденции развития тех или иных явлений отдаленного, тем более далекого, будущего, сформулировать цели таких исследований, как и препятствия, могущие встать на пути движения к этим целям, и способы их устранения или минимизации их последствий, явно не просто. Но ведь от результатов таких загоризонтных научных исследований вполне может зависеть как будущее отдельных общественно-экономических формаций, государств и их объединений, так и будущее всей человеческой цивилизации. Сказанное в полной мере относится и к общественным наукам, и к науке уголовного процесса, и в частности к такому ее важному институту, как доказательства в уголовном процессе.

А важность, высокая значимость данного института определяется тем, что судопроизводство по любому уголовному делу должно (что не подлежит никакому сомнению) завершаться вынесением максимально справедливого приговора (иного судебного акта). Сама же справедливость здесь в определяющей мере зависит от совокупного уровня и степени доказанности обвинения в данном деле. А эта доказательственность, в свою очередь, в значительной степени зависит от эффективности научных исследований, лежащих в основе полученных и оформленных доказательств по конкретному делу.

Таким образом можно сказать, что фундаментальная наука в сфере теоретических основ института доказательств в уголовном процессе — это комплекс решения настоящих и будущих проблем,

целью которых является получение новых теоретических знаний, обеспечивающих разработку новых высококачественных технологий в добывании и фиксации доказательств, необходимых для вынесения судами максимально справедливых судебных актов.

Каковыми были в прошлом, какими являются в настоящее время и какими станут в будущем доказательства в уголовном процессе? И каковы научные начала у этого института в динамике?

В прошлом, в древности, да и в средневековье при проведении обычного в процедурах того времени следствия для установления виновного в совершении преступления и доказывания его вины широко, как и сегодня, использовались свидетельские показания (на Руси таких свидетелей именовали «видок», «послух» и проч.), результаты обысков и т.д. Но, вместе с тем, широко использовались и так называемые «ордалии» («суд Божий», лат. — *Dei iudicium*) — термин, как указывается в энциклопедической литературе, «используемый для обозначения архаичных приемов судебной практики, еще не отграниченной от религиозного ритуала. О. применялись при отсутствии неоспоримых доказательств, при сомнениях в правдивости свидетельских показаний и т.п. В этих случаях судьи отдавали истца и/или ответчика на “суд Божий” и подвергали различным (в т.ч. тяжким и жестоким) испытаниям, по результатам которых делали вывод об их виновности или невиновности и выносили приговор. Считалось, что всеведущий Бог (или боги) сам покарает виновного и обезопасит от телесных повреждений праведного»¹.

Какой-либо доказательственной силой результаты этих ордалий, если быть объективным, не обладали, равно как и отсутствовала какая-либо научная составляющая в методике этих испытаний. А если учесть, что и сами преступления, в совершении которых обвинялось немало число граждан в те времена (в частности, в суде католической инквизиции), были — с позиции сегодняшнего дня — весьма странными (например, симпатичную девушку обвиняли в том, что она ведьма, иначе почему она красивая, либо мужчину обвиняли в том, что он «читит дьявола»), то сами ордалии как доказательства для подтверждения обвинения в совершении таких преступлений выглядят сегодня вдвойне бессмысленными. Впрочем, «каковы времена, таковы и нравы». Но весьма значимым является тот факт, что ордалии были широко распространены в различных государствах, да и «спектр» их применения был весьма разнообразен: в число ордалий входил и поединок

между потерпевшим и подозреваемым либо между их представителями. О каком научном подходе к результату такого поединка как доказательству по делу можно говорить?

Становясь более цивилизованным, человечество (не повсеместно) к концу XVIII — началу XIX в. постепенно отказалось от такого метода доказывания в уголовном процессе. В XIX в. появились помимо традиционных, бытовых видов доказательств и такие, в основе которых лежали отдельные, основанные на достижениях точных наук того времени элементы доказательств. В образной форме они показаны в художественной литературе XIX в., где их использовали сыщики — герои произведений: Шерлок Холмс в Великобритании, Нат Пинкертон в США, Нил Кручинин в Российской Империи и т.д. А позже уже появился и метод судебных экспертиз, проводимых как государственными, так и частными экспертными учреждениями.

В настоящее время институт доказательств в уголовном процессе получил законодательное закрепление во всем мире. В Российской Федерации он закреплен в ст. 74 УПК РФ, где в ч. 1 под ними понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А в ч. 2 этой же статьи перечислены допустимые доказательства. При этом очевидно, что такие доказательства, как заключения экспертов и показания специалистов, заведомо основаны на соответствующих научных достижениях.

Классификация доказательств по уголовному делу действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не предусмотрена. В принципе она возможна по разным основаниям: по основанию отношения к доказываемому обстоятельству, по источнику формирования (равно по характеру связи между устанавливаемым обстоятельством и источником сведений), по отношению к предмету обвинения, по источнику получения и т.д. Соответственно, эти доказательства можно подразделить на прямые и косвенные, непосредственные и производные, обвинительные и оправдательные, личные, письменные и вещественные и проч.

Современное научно-правовое обеспечение института доказательств в уголовном процессе в нашей

¹ См.: Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. 12 (1). М., 2003. С. 457.